

ПЫЛАЕВ

.....

НЕВЕРОЯТНЫЕ МИРЫ

Цикл «Горчаковъ»:

Лицеист

Юнкер

Титулярный советник

Камер-юнкер

Статский советник

ВАЛЕРИЙ
ПЫЛАЕВ

ГОРЧАКОВЪ

СТАТСКИЙ
СОВЕТНИК

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П94

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серийное оформление — *Василий Половцев*

Иллюстрация на обложке — *Анастасия Зайцева*

Пылаев, Валерий.

П94 Горчаков. Статский советник : [фантастический роман] / Валерий Пылаев. – Москва : Издательство АСТ, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-17-153498-1

Итак, война.

То, чего все боялись, начало сбываться: германский рейх перешел в наступление.

Князь Александр Горчаков по велению императора Павла отправляется в Париж, дабы заключить военный союз с французским монархом. Однако добраться туда членам российской делегации не суждено: их транспорт сбивают где-то над Европой. Выжившим после крушения Горчакову и Гижицкой придется вдвоем преодолеть многие километры вражеской территории, таиться в заброшенных зданиях, блуждать по лесам, драться, ввязываться в чужие конфликты и даже стать пособниками мятежа в жаждущих независимости Лотарингии и Эльзасе — и все это ради того, чтобы в конечном итоге выполнить поручение императора.

Но повлияет ли это на исход войны, задуманной совсем другими людьми, просчитавшими все наперед?

Читайте пятую книгу цикла «Горчаковъ» — продолжение захватывающих бестселлеров «Лицеист», «Юнкер», «Титулярный советник» и «Камер-юнкер»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-153498-1

© Пылаев В., 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

- Знаешь, почему мы носим эти знаки на одежде?
- Черные черепа? Они... они страшные.
- Может быть. Это особый знак. Его использовали...
- Давно? Еще до войны?

Снова знакомый сон — и снова с продолжением. Девчонка с глазами цвета летнего неба, тяжелые шаги внизу, чудовище с трехпалой металлической лапой, короткая схватка, боль... и пустота.

Только на сей раз и этим все не закончилось. Я не мог открыть глаза, не мог пошевелиться, не мог даже вдохнуть — да и вдыхать было уже нечем. Изломанное мертвое тело осталось где-то там, так далеко, что не получалось и представить. Однако сам я еще... нет, не жил — но пока еще существовал. Без памяти, без мыслей. Без времени. Просто ждал. Может, целую тысячу лет, плавая крохотной искрой посреди бесконечного и темного ничто.

Пока не зазвучали голоса.

— Он?.. Меня порой удивляет твой выбор, — негромко проговорил первый. — Ни знаний, ни нужного опыта... Нет даже настоящей силы. Той, без которой совершить великое непросто. Почти невозможно.

— Позвольте не согласиться. — Второй голос явно принадлежал женщине. — Вы ведь сами говорили, что

сила порой не значит ничего. Знания могут принести лишь небольшую пользу. А опыт... разве его недостаточно? Разве он мало повидал за свою жизнь, разве мало сделал?

— Ему совсем немного лет.

— Тридцать семь. Не так уж и немного для человека из его мира. А некоторые годы стоят десятка.

Спасенная мною девчонка явно хотела что-то доказать... Определенно это была она — я узнал голос. Просто теперь он звучал чуть ниже, глубже и как-то волнующе, будто его обладательница каким-то образом успела повзрослеть за эти...

Сколько лет? Десять? Двадцать? Тысячу?

Но и второй, ее собеседник, тоже показался мне смутно знакомым. Старик; судя по скрипучему голосу — совсем древний. Уже повидавший всякое и оттого особенно недоверчивый и даже упрямый.

— Что это меняет? — вздохнул он. — То, что его ожидает, потребует куда большего. Нам предстоит создать великого среди великих, ты потратила столько времени — а нашла...

— Обычного человека? — Девчонка-женщина едва слышно усмехнулась. — Может, и так. Но в нем есть душа, такая же, как у нас с вами. И ее свет не погас даже там, где всегда темно. А это стоит не меньше дутой славы и тонкого ума тех, кого мы приводили сюда раньше. К тому же он видел то, чего не видели они, и знает цену всему.

— Неужели ты веришь?..

— Да. Порой великое порождает малое, а малое — становится великим, — отозвалась девчонка. — И там, где не справились другие, он преуспеет.

ГОРЧАКОВ. СТАТСКИЙ СОВЕТНИК

— А может, и нет! — Старикашка явно был не восторге от происходящего. — Наши силы на исходе. И если не получится на этот раз — мы уже не сможем повторить подобное... Нет, слишком рискованно. Отпусти его. Он заслужил покой.

Что?.. Нет уж, я так не договаривался. Какие-то премудрые сущности обсуждали мою судьбу, собирались решать что-то — и даже не удосужились поинтересоваться моим мнением!

— Эй! — заорал я изо всех сил. — Вообще-то я еще здесь!

Но высшие силы молчали. То ли не слышали, то ли посчитали меня недостойным ни ответа, ни даже присутствия на великом совете. Поэтому и вышвырнули из небытия обратно.

Прямо в мою комнату в Елизаветине.

Почти полминуты я ворочался на мокрой от пота простыне и пыхтел, пытаясь осилить целебное плетение. И лишь потом кое-как сполз с кровати, умылся и решил, что ложиться обратно в половине пятого утра нет никакого смысла. Конечно, я мог бы урвать еще полтора, а то и два часа сна, однако даже возвращаться в постель уже не хотелось — ничего хорошего меня там не ожидало.

Сны, почти успевшие забыться, снова вернулись — и теперь стали куда продолжительнее и красочнее, а пробуждение — куда неприятнее. Будто неведомая сила таким образом пыталась напомнить мне что-то важное, ничуть не стесняясь в средствах.

Но толку было немного.

В общем, с того самого дня, как началась война, спал я отвратительно, и утро приносило лишь сомнительное облегчение. Я не соврал Багратиону: работы у нас точно прибавилось — и еще вопрос, у кого больше. Третье от-

деление до сих пор разгребало ворох июньских дел, а на нас с дедом свалилось перевооружение целой армии, которая стремительно пополнялась новобранцами. Конечно, Павел еще не объявлял масштабной мобилизации, но резервы наращивались ударными темпами... и уж точно не зря.

Вести из Привислинских губерний добирались до Елизаветина куда раньше тех, о которых говорили по радио или в телевизионных выпусках. Впрочем, радоваться было нечему: войска рейха за какие-то пару дней, буквально с наскока взяли приграничные Ченстохов и Калиш и продвинулись дальше. Лодзь пала уже позже, в июле, и застряли немцы только под самой Варшавой. Видимо, нашелся все-таки толковый генерал, способный если не отбросить германскую военную машину обратно к границе, то хотя бы удержать столицу.

Впрочем, даже это не помешало немцам пройти южнее, и временно возглавивший рейх канцлер Каприви уже вовсю облизывался на Люблин. В общем, дела шли не то чтобы плохо — но куда хуже, чем хотелось бы. Кто-то или в разведке, или повыше, в самом Зимнем, крупно просчитался. Тревожные вести приходили едва ли не с весны, а никаких действий местные власти за Вислой, похоже, так и не предприняли. Немцы собрали у самой границы бронированный кулак и врезали так, что оправиться у императорской армии не получалось до сих пор.

Но здесь, в Петербурге, почти ничего не изменилось — разве что разговоры в салонах высшего света, где я не появлялся целый месяц. Столица жила привычной жизнью и о войне узнавала только по телевизору или из газет. Вроде той, что ждала меня на столике в гостиной.

Однако ни времени, ни желания читать не было. Утро уже настало — а значит, пришло время залить в себя чего-нибудь бодрящего и снова стать наследником и фактически главой княжеского рода Горчаковых.

Со всеми вытекающими.

Я не стал беспокоить Арину Степановну, сам сварил себе кофе и, зевая, вышел во двор. Усадьба спала — только вдалеке у забора прогуливался охранник с собакой. Еще двоих я разглядел в караулке у ворот, но на самом деле их было значительно больше: после того, что в желтых газетах называли «июньской казнью», в столице стало куда спокойнее, однако дед с Андреем Георгиевичем так и не отказались от «усиленных мер». Наверняка пара человек круглосуточно дежурили еще на самом съезде с шоссе в Елизаветино.

И тем удивительнее мне было вдруг услышать раздавшееся в тишине неровное рычание мотора. А когда через несколько мгновений вдалеке за воротами показались фары, я и вовсе замер, не донеся до рта кружка с кофе. Машину узнал без труда даже в утреннем полумраке: на древнем «назике» шестьдесят седьмой модели во всем Петербурге ездил, пожалуй, только Судаев.

Толковый, опытный и до тошноты аккуратный во всем, что касалось оружия, конструктор относился к собственному транспортному средству не только безалаберно, но еще и без малейшего уважения: ругался, пинал колесо, однако менять на что-нибудь поновее почему-то не желал. И машина отвечала взаимностью: выкрашенная в серый цвет развалюха выглядела чуть ли не ровесницей владельца, каждый раз заводилась с немалым усилием, плевалась сизым дымом — и все же по какой-то неизвестной мне причине еще ездила. Так что

ВАЛЕРИЙ ПЫЛАЕВ

в ее способности добраться до Елизаветина я ничуть не сомневался.

Оставался только вопрос — зачем?

Впрочем, искать здесь — да еще в такое время — Судаев мог только меня. И едва ли пожаловал без уважительной причины... он вообще не слишком-то любил покидать свою святая святых на оружейном заводе. Видимо, стряслось что-то из ряда вон выходящее — осталось выяснить, хорошее или все-таки плохое.

Я вздохнул, поправил рубашку и направился к воротам — делать было, в общем, больше нечего. А без моего личного присутствия разгоравшийся на въезде в усадьбу спор определенно грозил перерасти в драку. Охранник — рослый парень в форме — уже успел выйти за забор и теперь сурово нависал над выбравшимся из машины Судаевым. Тот был вдвое старше и смотрелся куда менее внушительно, но я прекрасно помнил, что оружейник вытворял со своими железками на заводе безо всякого Дара. В жилистых руках скрывалась такая сила, что я, в случае чего, и сам бы поостерегся лезть на рожон.

— А я вам говорю — их сиятельства еще спят! — Охранник сердито стукнул о землю прикладом винтовки. — Не велено!

— Да мне на твое не велено... — огрызнулся Судаев. — Зови, кому сказано!

— Доброго утра, милостивые судари. — Я на всякий случай подал голос еще издалека. — Что у вас тут стряслось?

— Да вот, ваше сиятельство...

Охранник растерялся — явно не ожидал увидеть меня у ворот, да еще и в такую рань. А вот Судаева пронять

ГОРЧАКОВ. СТАТСКИЙ СОВЕТНИК

оказалось куда сложнее: он просто смолк, сложил руки на груди и терпеливо дожидался, пока я выйду за ворота.

— Не предполагал, что могу встретить вас здесь в такой час, Алексей Иванович, — шагнул я Судаеву навстречу. — Но, видимо, у вас была особая причина приехать из города лично... Что-то случилось?

— Нет. Пока еще нет, к счастью, — отозвался оружейник. — Но я хотел бы побеседовать с вами... с глазу на глаз. Если, конечно, это возможно.

По сравнению с обычным Судаевым этот — появившийся на рассвете в клубах сизого дыма от древней машины — проявлял чуть ли не чудеса учтивости. Что само по себе казалось чем-то из ряда вон выходящим — так что возражать я, конечно же, не стал. Завидев мой жест, охранник послушно кивнул и через мгновение прикрыл за собой ворота. Хотя Судаеву и этого показалось недостаточно: он зачем-то дождался, пока тот уйдет еще дальше, к караулке, и только потом развернулся ко мне спиной и зашагал к машине — видимо, предмет нашей будущей беседы находился как раз там. Замок на двери багажника негромко щелкнул, и через мгновение передо мной появился увесистый сверток. Тускло блеснул вороненый металл, и я скорее догадался, чем разглядел в утренней дымке, что именно было под толстой зеленой тканью: оружие. Очередная винтовка, судя по всему. И весьма занятной конструкции.

— Вот, ваше сиятельство, — тихо проговорил Судаев. — Не люблю говорить громких слов, но эта штука-вина, возможно, способна повернуть ход войны.

Глава 2

— Действительно громкие слова. — Я осторожно взял в руки винтовку. — Впрочем, давайте посмотрим.

Вопросов все еще было куда больше, чем ответов, однако любопытство победило. Судаев смог подцепить меня на крючок, и первым делом я принялся изучать, что же он привез с собой.

Новое творение напоминало одновременно и привычную «трехлинейку», и то, что я уже опробовал в Зеленой Роще, и даже скорострельный пистолет — но определенно не было ни тем, ни другим, ни уж тем более третьим.

Деревянные приклад и цевье с ручкой; сам корпус — из стали. Из-за него-то винтовка и казалась непривычно угловатой и плоской. Заметно короче «трехлинейки», полегче, будто Судаев почему-то пожалел металла на ее изготовление... и все-таки довольно увесистая. Скорее всего, из-за длинного изогнутого магазина. Чересчур массивного для такой конструкции — во всяком случае, на первый взгляд. Туда помещался явно не десяток патронов и даже не два, а, пожалуй, все тридцать или даже больше штук. Тем не менее это не так уж портило баланс оружия и наверняка не мешало бы стрелять лежа.

Часть деталей остались без воронения, кое-где по краям торчали металлические заусенцы, а лак на дереве еще немного прилипал к пальцам. Да и в целом винтовка

ГОРЧАКОВ. СТАТСКИЙ СОВЕТНИК

выглядела так, будто ее собрали из того, что попало под руку, а в завершение еще и от души обработали напильником. Судаев явно заканчивал свое очередное детище в спешке — и в спешке же вез сюда, в Елизаветино, чтобы показать мне лично.

Только — зачем?

— Я много беседовал с теми, кто вернулся живым из Зеленой Рощи. И все говорили примерно одно и то же: винтовка тяжелая, сильная отдача. Патрон слишком мощный для стрельбы очередями. Фактически приходится работать одиночными, — принялся объяснять Судаев. — Можно сказать, я создал скорее что-то вроде легкого пулемета. Для Одаренного это не так важно, вот только если нужно вооружить рядовых солдат, подобное не имеет смысла.

— Пожалуй. — Я вспомнил собственные ощущения. — Вы сделали неплохое оружие. Крупный и сильный человек вполне с ним справится, но...

— Именно! — закивал Судаев. — Армии нужно что-то полегче и попроще, пусть даже ценой дальности боя и дульной энергии. В реальном бою редко приходится стрелять на сотни метров — зато куда важнее возможность выпустить побольше пуль. А еще — носить с собой патроны, перезаряжать... Этот образец сделан под японский патрон.

— Винтовка «Арисака»... — Я на мгновение задумался, вспоминая классы покойного Мамы-и-Папы. — Калибр шесть с половиной миллиметров, масса пули...

— Да, ваше сиятельство! — тряхнул головой Судаев. — Именно такое оружие и нужно пехоте. Чуть меньше пороха, гильза короче, чем у «трехлинейки», легче пуля — из-за этого снижается отдача и можно

вести огонь очередями. Плюс — увеличенный боезапас на двадцать четыре патрона... Желаете попробовать?

— Нет... пожалуй, нет. — Я на мгновение предположил, что сотворят дед с Андреем Георгиевичем, если я вдруг примусь палить из этой штуковины у реки за усадьбой. — Не вижу никаких причин не верить вам на слово, Алексей Иванович.

Соблазн был велик, и я все-таки сделал над собой усилие и ограничился тем, что повертел винтовку в руках, а потом уперся прикладом в плечо, взялся за деревянную ручку на цевье и прицелился в сторону дороги. Оружие показалось чуть перетяженным в центральной части — зато удобным и хватким. Недоставало разве что пистолетной рукояти, как на американских образцах, которые я в свое время видел; развесовка пока еще оставляла желать лучшего, магазин немного мешал, норовя зацепиться за локоть... И все-таки в новой конструкции Судаева определенно что-то было.

— Конечно же, я привез не готовую модель... Это даже прототипом-то назвать сложно. — В голосе Судаева на мгновение прорезалось смущение. — Пока что схема очень сырая. Нужно почти полностью переделать затворную группу, чуть укоротить ствол. Использовать вместо дерева пластик — это позволит еще облегчить оружие... а заодно и сам процесс изготовления. Но самое главное — здесь. — Судаев протянул руку и коснулся магазина. — В первую очередь нужно разработать подходящий патрон. Японский как полноценный винтовочный все-таки тяжеловат. И к тому же он...

— Японский, — улыбнулся я. — Прекрасно вас понимаю, Алексей Иванович.

— Такое оружие, — Судаев снова ткнул пальцем в железку в моих руках, — может перевернуть само пред-

ГОРЧАКОВ. СТАТСКИЙ СОВЕТНИК

ставление о пехотном бое. И дело, конечно же, не в механизме... не только в механизме или патроне. Сама ваша идея создать оружие, которое будет сочетать в себе достоинства винтовки и полноразмерного автоматического пистолета... пожалуй, я бы до такого не додумался. Если испытания пройдут успешно, это назовут конструкцией Горчакова-Судаева!

Оружейник выглядел дерганым и непривычно суетливым, будто по пути в Елизаветино опрокинул десяток кружек кофе... а то и чего покрепче. И это настолько не вязалось с его обычным поведением, что мне стало даже забавно наблюдать, как он скачет вокруг, продолжая рассказывать о своем новом детище.

— Пусть будет просто «автоматическая винтовка Судаева», — махнул я рукой. — В конце концов, моей заслуги здесь почти никакой. Да и не настолько уж я честолюбив, чтобы...

— Думаете, в вашу честь назовут улицу или целую площадь? — сердито буркнул Судаев.

Что-то его явно задело. Вряд ли отказ разделить с ним лавры будущей славы — скорее уж само отношение, которое наверняка показалось оружейнику чересчур легкомысленным.

— Не вижу никаких причин переименовывать в мою честь ни улицу, ни проспект, ни уж тем более площадь. — Я улыбнулся и пожал плечами. — У них у всех уже есть вполне подходящие названия, и менять их не следует.

— А если речь пойдет об улицах в городах, которые пока еще принадлежат германскому рейху? — Судаев недобро усмехнулся. — Не сейчас, конечно же. После войны.